

«В письмах всего не напишешь»

АРХИВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕСНИ В ПИСЬМАХ

Svetlana Podrezova

“You Can’t Explain Everything in Letters” The Archive of Revolutionary Songs in Letters

Светлана Подрезова (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, старший научный сотрудник, заведующая Фонограммархивом; кандидат искусствоведения) podrezova@yandex.ru.

Svetlana Podrezova (PhD; Senior Research Fellow, Head of Phonographic Archive; Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences) podrezova@yandex.ru.

Ключевые слова: бригада по собиранию и изучению русской революционной песни, письма, архив, М.С. Друскин, В.И. Чичеров, Институт антропологии и этнографии

Key words: Russian Revolutionary Song Study Brigade, letters, archive, Mikhail Druskin, Vladimir Chicherov, Institute of Anthropology and Ethnography

УДК: 39

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_63

UDC: 39

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_63

Настоящая статья посвящена уникальному случаю использования писем для собирания архива революционной песни. Анализ сохранившегося обширного эпистолярия показал, что, помимо успешного выполнения своей главной задачи, переписка внутри «бригады по собиранию и изучению русской революционной песни» при Институте антропологии и этнографии использовалась как элемент научной инфраструктуры, способный не только устанавливать и укреплять иерархии, но порой и как знак замещения и восполнения отсутствия одного из его членов. Материалом исследования стала переписка, отложившаяся в рукописном отделе Пушкинского Дома и других архивах Санкт-Петербурга и Москвы и частично опубликованная в 5-м томе Полного собрания сочинений советского музыковеда М.С. Друскина.

This article examines a unique case of using correspondence to compile an archive of revolutionary songs. An analysis of the surviving extensive epistolary collection reveals that, beyond its primary objective, the correspondence within the “The Russian Revolutionary Song Study Brigade” at the Institute of Anthropology and Ethnography functioned as a key element of scientific infrastructure. This correspondence not only established and reinforced hierarchies but also occasionally served as a means of substitution and compensation for the absence of one of its members. The study draws on letters preserved in the manuscript department of the Pushkin House and other archives in Saint Petersburg and Moscow, with some materials also published in Volume 5 of the Complete Works of Soviet musicologist Mikhail S. Druskin.

Когда началась история, описываемая в настоящей статье, точно неизвестно, неизвестно также и то, кто выступил инициатором создания антологии русской революционной песни, точнее — кому первому пришла в голову эта идея. Не сохранилось сведений и о том, как формировался состав научной комиссии («бригады по собиранию и изучению русских революционных песен»), наконец, кто предложил кандидатуру ее руководителя — ленинградского музыковеда и пианиста М.С. Друскина¹.

1 Сам Друскин вспоминал об этом в безличной форме: «В расширение и углубление того, что ими (участниками Производственного коллектива студентов-композиторов Московской консерватории и Л.Н. Лебединским. — С.П.) сделано, в 1934 году

Сухие факты официальных документов определяют начало большого проекта 23 мая 1934 года. Именно в это время в Москве, в крупнейшем государственном музыкальном издательстве Музгиз прошло совещание, посвященное подготовке академического собрания революционных песен — первого научного комментированного издания мелодий и текстов «богатого песенного наследия, накопленного в течение десятилетий русским освободительным движением» [Друскин 1934а]. Проект предполагал выявление всех доступных источников о происхождении и бытовании старой революционной песни — прежде всего через экспедиционную работу с участниками революционного движения: бывшими каторжанами, видными советскими деятелями (например, с Ф.В. Ленгником, Ф.Я. Коном, Г.М. Кржижановским, П.Н. Лепешинским и др.), партийными пенсионерами, рабочими предприятий Москвы, Ленинграда, Иванова, Калинина, Колпино, Тулы, Сорново и др., а также по легальным и нелегальным изданиям и мемуарам. Собрание должно было не только восполнить пробел в собирательской работе прежних лет, но и заложить основы научного исследования этого пласта фольклора, а именно воссоздать исторические пути развития русской революционной песни и проследить связь каждой песни с революционной борьбой [Друскин 2012а: 483–484].

Поскольку на совещании были представлены «план и организация работ» по составлению сборника, можно с уверенностью сказать, что эта идея обсуждалась уже длительное время, в чем не последнюю роль сыграла переписка. Так, уже 20 мая 1934 года будущий руководитель «бригады» М.С. Друскин получает ответное письмо² от революционерки, в прошлом политкаторжанки, исследовательницы истории мест ссылки (в частности, Нерчинской каторги) Е.Д. Никитиной-Акинфеевой, в котором она отказывается принять участие «в работе по собиранию революц<ионных> стихов и песен», но выражает готовность посодествовать «личным опытом», «памятью и расспросами» [Письма и документы 2012: 596–598]. А уже 1 июня московский член «бригады» В.И. Чичеров сообщает в письме заведующему Фольклорной секцией Института антропологии и этнографии (далее — ИАЭ) М.К. Азадовскому, что он «вплотную принялся за работу над революционной поэзией» и просит подготовить документ для работы в архивах [Там же: 519]. Кроме того, из этого письма становится ясно, что Чичеров уже неоднократно встречался с Друскиным в Москве...

В настоящей статье я стремлюсь показать, как письма стали важнейшим инфраструктурным элементом для создания академического собрания революционных песен и в итоге одним из основных источников, составивших архивный фонд. Письма играли парадоксальную роль в истории этого проекта, будучи двойственными по своей сущности: мобильными и устойчивыми. С одной стороны, они были материальными носителями информации, которые должны были перемещаться между учеными и их «информантами», а с другой — они изначально воспринимались как надежный источник достоверной информации, предназначение которого — осесть на хранение в архив: сначала в личный, а затем в институциональный. Эти соединения между мобиль-

было решено создать под моим руководством специальную комиссию («бригаду») при Фольклорной секции Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР» [Друскин 1977: 258].

2 Письмо М.С. Друскина к Никитиной в архиве не сохранилось.

ностью и институциональной привязанностью писем с их архивной «оседлой жизнью» в производстве фольклористического знания будут находиться в центре моего исследования. Но прежде чем перейти к анализу писем, мне хотелось бы кратко описать историю проекта.

Академическое собрание революционных песен и письма

Серьезный интерес к революционной песне был, вероятно, вызван приближавшимися праздничными датами — 30-летием революции 1905 года и 20-летием Октября. На рубеже 1920—1930-х годов научные и творческие учреждения активно призывают проводить сбор материалов, связанных с этими событиями³, в круг интересов все чаще попадает и революционная песня⁴. Стоит также напомнить о серии проектов начала 1930-х годов: «История фабрик и заводов» и «История гражданской войны», в которых так или иначе затрагивалась тема отражения революционной эпохи в фольклоре⁵, а фольклор рассматривался как исторический источник, который, по словам Ю.М. Соколова, «передает не только внешнюю сторону исторического явления, но и несет в себе отпечаток настроений, психологии масс» [Соколов 1935: 15]. В том же 1934 году секретарь Фольклорной секции ИАЭ А.М. Астахова писала:

Собрание и изучение фольклора гражданской войны выдвигается как обязательная часть работы по истории, так как несомненно, что в области изучения настроений масс всей внутренней обстановки войны именно фольклор сможет дать ценнейший материал [Астахова 1934: 9].

Однако, несмотря на расширение или, как писал Азадовский, «перемещение» научных интересов, пришедшееся на рубеж 1920—1930-х годов, фольклористы не спешили включать в топику своей науки «старые революционные песни». Обращение к ним происходит прежде всего потому, что песни революции ак-

-
- 3 Согласно отчету за 1932 год, в Фольклорной секции Института по изучению народов СССР (далее — ИПИИ) шла работа по подготовке сборника «Фольклор и Октябрьская революция» (Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 135. Оп. 1. Д. 120. Л. 121).
 - 4 Примерно в это же время готовятся издания: Пролетарские поэты: В 3 т. Т. 1: 1895—1910 / Ред., вступ. статья и коммент. А.Л. Дымшица; общ. ред. А. Горелова. Л.: Советский писатель, 1935; Русская народная песня / Сост. С.А. Бугославского, И.П. Шишова; общ. ред. М. Гринберга. М.: Музгиз, 1936. В первом номере журнала «Советская музыка» за 1935 год выходит серия статей, посвященных песням, звучавшим во время революционных событий 1905 года.
 - 5 В 1935 году Нацсектор Музгиза открывает нотную серию «Песни Гражданской войны»; организуются экспедиции в военные части Северного Кавказа (см.: Новиков А.Г. Поход за песнями гражданской войны (по материалам 1-й экспедиции, организованной ПУРККА и ССК) // Советская музыка. 1936. № 2. С. 17—22); революционные песни и песни Гражданской войны включаются в программы по собиранию фольклора (см., например: Азадовский М.К. Беседы собирателя: О собирании и записывании памятников устного творчества применительно к Сибири. Иркутск: Изд-во Русского географического общества, 1924. С. 61—62; Азадовский М.К., Астахова А.М. Проект программы по собиранию и изучению фольклора гражданской войны // Советская этнография. 1934. № 1—2. С. 213—214).

туализируются в виде песен Гражданской войны и сохраняются в репертуаре рабочих и красноармейцев (см. упоминавшийся выше сборник «Русская народная песня», составленный Бугославским и Шишовым). Нередко революционная песня используется также в качестве документа по истории рабочего и партизанского движений. Показательно, что первые работы о революционной песне представляли собой воспоминания членов подпольных организаций или самих авторов об истории создания и бытования отдельных песен⁶.

Еще одной предпосылкой к подготовке собрания стал революционно-песенный голод в творческом пространстве, с годами ощущавшийся все более остро и вызывавший беспокойство борцов «за оздоровление музыкального быта». Как показывал учет репертуара массовых демонстраций, в начале 1930-х годов на долю «старой революционной песни» приходилось 3—7% от всего музыкального контента (см., например: [Бекман, Заржевская 1933: 6]), а звучавшие на мероприятиях песни составляли небольшой набор песен-символов. К слову, к этому времени основательно был подзабыт не только политический фольклор дореволюционной эпохи⁷, но и песни недавнего прошлого — например, периода Гражданской войны. Так, рассуждая о значении первых концертных программ Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии⁸ 1928 года, М.С. Друскин писал: «Весь основной репертуар этого наследия был словно заново открыт для широких народных масс» [Друскин 2012б: 298].

Первым собранием, претендующим на то, чтобы хотя бы отчасти ответить на потребности «в массовой историко-революционной песне», стал сборник «Песни каторги и ссылки», изданный в 1930 году⁹. Сборник был составлен силами композиторов Производственного коллектива студентов научно-композиторского факультета Московской консерватории (ПРОКОЛЛ)¹⁰ из песен, бытовавших в устной практике и записанных от членов Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (40 текстов и 29 мелодий).

-
- 6 См.: *Борщевский С.* Первый русский революционный гимн (60-х гг. 19 в.) // Русская воля. 1917. № 15. 14 марта; Песня политических заключенных в Мурманской тюрьме (на мотив «Коробочки») // Олонекская коммуна. 1919. № 206. 12 сентября; *Бонч-Бруевич В.Д.* Первый русский мимеограф (Памяти Леонида Петровича Радина) // Пролетарская революция. 1921. № 2. С. 167—180; О новой «Марсельезе» // Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 143—144; *Бонч-Бруевич В.Д.* На славном посту. Памяти В.В. Воровского (По личным воспоминаниям). М.: Жизнь и знание, 1923; *Лепешинский П.Н.* Старые песни революции // Огонек. 1927. № 32. С. 11—12; Революционные гимны и песни. «Интернационал» и его авторы // Красная нива. 1929. № 31. Ч. 17; *Февральский А.* Песни победы // Прожектор. 1929. № 24. С. 24—25.
- 7 Что естественно, учитывая, что век городской песни, по справедливому замечанию С.Ю. Неклюдова, недолог, «вся ее жизнь — от рождения до забвения — может быть полностью охвачена памятью одного поколения людей» [Неклюдов 2005: 271].
- 8 Первоначальное название — Ансамбль красноармейской песни Центрального дома Красной армии имени М.В. Фрунзе. Основу первых программ ансамбля составляли музыкально-литературные композиции «22-я Краснодарская дивизия в песнях» (преьера состоялась 12 октября 1928 года), «Особая Краснознаменная Дальневосточная армия в песнях», «Первая конная в песнях» и другие, основанные на записях песен Гражданской войны, выполненных в действующей армии.
- 9 Песни каторги и ссылки. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1930.
- 10 В подготовке сборника участвовали В. Белый, А. Давиденко, З. Компанец, А. Колосов, З. Левина, Б. Шехтер и Н. Чемберджи.

Вспоминая о своей работе над этим сборником, композитор-проколловец Борис Шехтер не без пафоса писал:

Мы считали, что русская революционная песенность еще недостаточно претворена в произведениях крупной формы, а круг песен революции, к которым обращаются композиторы, слишком узок... Между тем, образно говоря, именно в недрах героической революционной песенности лежит та «руда», которую мы, композиторы, обязаны извлечь и в творчески обогащенном виде вернуть создателю — народу.

И вот мы отправились в существовавшее тогда Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев, чтобы в совместной работе выявить, записать и издать наиболее «отстоявшиеся» в народе русские революционные песни. Эта инициатива была встречена с энтузиазмом. Старые большевики собирались много раз большими группами по тридцать-сорок человек и пели для нас боевые песни большевистского подполья... В общении со старыми большевиками и родилась идея создания оперы «1905 год»; сборник песен («Песни каторги и ссылки») оказался своеобразной «прелюдией» к этой капитальной работе [Шехтер 1968: 46].

Хотя этот сборник стал «важной вехой в деле изучения и пропаганды дооктябрьского революционно-песенного наследия» [Друскин 2012б: 299], он прежде всего преследовал практические цели (песни в нем были даны в виде обработки для фортепиано) и не отвечал критериям научности и достоверности (ср. рецензию М.С. Друскина: «Во-первых, в нем нередко приведены малохарактерные варианты напевов, недостаточно достоверные; во-вторых, комментарии составлены небрежно, на основе непроверенных данных» [Там же: 300]).

Академическое собрание русских революционных песен, за которое взялись сотрудники Фольклорной секции ИАЭ, должно было охватить все периоды и грани революционной борьбы и стать первой научной антологией такого рода, созданной на основе исследования этнографического характера. Однако составители оказались в противоречивой ситуации — «заказчик» в лице Музгиза и Наркомпроса требовал подчинения научного подхода цензуре:

В отличие от обычного рода этнографических работ, предполагаемое издание имеет большой политический, партийный характер. В этом смысле задача заключается в том, чтобы при участии и при содействии и при контроле Общества Старых большевиков и Общества Политкаторжан обеспечить партийность издания¹¹.

Не случайно в заседании, легитимирующем собрание, участвовали *представители заинтересованных в этом проекте организаций*: самого Музгиз (в лице главного редактора — музыковеда, фольклориста Виктора Сергеевича Виноградова, управделами Н.Н. Крамаревской и редактора книжного отдела Льва Львовича Калтата), Музея революции СССР (Левин-Троцкая), Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (революционер, редактор издательства «Каторга и ссылка», участник хора народовольцев Михаил Михайлович Константинов), признанные *эксперты* (Давид Аронович Черномордикив — революционер, известный музыкант, составитель целого ряда

11 Копия Протокола Совещания по вопросу об издании академического собрания революционных песен от 23 мая 1934 г. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Р. V. К. 102. П. 1. № 362. Л. 21 — 21 об. Опубликована в: [Письма и документы 2012: 704].

сборников песен Революции¹², в том числе нелегальных, в недавнем прошлом (1923—1929) председатель Ассоциации пролетарских музыкантов, а на тот момент — ответственный редактор журнала «Музыкальная самодеятельность»; Сергей Александрович Бугославский — историк русской литературы, музыковед и композитор, автор статей и сбораний народных и революционных песен¹³; и Михаил Михайлович Черёмухин — фольклорист, композитор, автор кантаты «Красная армия»¹⁴) и участники будущего академического коллектива — московский фольклорист Владимир Иванович Чичеров, в 1933 году подготовивший сборник «Песни о царском остроге»¹⁵, и Михаил Семенович Друскин, уже заявивший о себе в качестве знатока этой темы¹⁶ несколькими работами о немецком боевом песенном движении и ее представителе Гансе Эйслере¹⁷ и русских песнях народовольцев [Друскин 1934б].

Итак, в ходе обсуждения сборника основным методом был признан, как уже было сказано, этнографический, то есть собирательская работа с носителями — участниками революционного движения, а также поиск источников в архивах и библиотеках. В середине июля 1934 года был заключен официальный договор о подготовке собрания между издательством Музгиз и Институтом антропологии и этнографии (текст договора см.: [Письма и документы 2012: 705—706]), а к осени — определен состав «бригады по революционной песне», в которую вошли библиограф Алексей Алексеевич Шилов, московский фольклорист В.И. Чичеров, этномузыковед с большим полевым опытом Софья Давыдовна Магид, начинающая фольклористка и полевик Пелагея Григорьевна Ширяева и музыковед М.С. Друскин. В предисловии к сборнику [Друскин 2012а: 486] и в своих воспоминаниях (вероятно, опираясь на тот же текст, см.: [Друскин 1977: 259; 2012б: 300]) среди членов «бригады» Друскин упоминает литературоведа А.Л. Дымшица. Однако официально Дымшиц, работавший в составе «бригады по рабочему фольклору» и немало потрудившийся над составлением комментариев к собранию, в «бригаду» Друскина не входил¹⁸.

-
- 12 Д.А. Черномородиковым по заданию фракции большевиков был подготовлен к печати Первый сборник революционных песен. 10 песен, гармонизованных А.Д.Ч. СПб.: Изд-во Вещего Баяна, 1906.
- 13 См., например: [Бугославский 1928], а также сборник Русская народная песня (сост. С.А. Бугославского, И.П. Шишова).
- 14 «Красная армия» на слова советских поэтов, 1932.
- 15 Машинописный вариант, принятый к печати, хранится в: РГАЛИ. Ф. 629 (Academia). Оп. 1. Ед. хр. 1858. Сохранился предшествующий вариант с названием «Песни о царской тюрьме»: РГАЛИ. Ф. 629 (Academia). Оп. 1. Ед. хр. 1859. Благодарю М.Л. Лурье за предоставленную информацию.
- 16 Как стало известно лишь после смерти ученого, его, родители Друскина — Семен Львович и Елена Савельевна — были участниками социал-демократического движения, членами еврейской организации «Бунд», в юности М.С. Друскин приветствовал революцию и был свидетелем революционной деятельности матери и отца. «Пролетарско-революционную “бундовскую” закуску», по его воспоминаниям, родители сохраняли в своем образе жизни на протяжении долгих лет [Друскин 1999: 16—23].
- 17 Находясь в 1930—1932 годах на стажировке в Германии, М.С. Друскин близко познакомился с представителями Боевого содружества рабочих певцов и самим Гансом Эйслером, о чем по возвращении написал в работах: Друскин М.С. Ганс Эйслер и его группа // Советская музыка. 1933. № 4. С. 57—63; Друскин М.С. Ганс Эйслер и рабочее музыкальное движение в Германии. М.: Музгиз, 1934. См. также его воспоминания: [Друскин 1977: 257—258].
- 18 Ср., например: Отчет о работе Фольклорной комиссии за 1936 г. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 150. Оп. 5. № 37. Л. 19 — 19 об.

Таким образом, начало крупного проекта, рассчитанного на участие большой команды, стало прекрасной возможностью для Фольклорной секции и всего Института отчитаться об успешном внедрении «бригадного метода».

В начале 1930-х годов на фоне проходившей коллективизации, курса на преодоление индивидуализма и строительство советского коллектива этот метод активно внедрялся и в научные учреждения. Под научной «бригадой» понималась группа, разрабатывающая общую научную тему или проводящая коллективное полевое исследование. Благодаря производственному названию и такому же пониманию принципов организации труда, в исследовательский коллектив могли входить не только ученые Института, но и «посторонние» — исследователи из других отделов и организаций, аспиранты и ненаучные силы, например рабочие и студенты. Так, в состав «бригады по рабочему фольклору» — одной из первых научных групп Фольклорной секции, организованной в октябре 1931 года, входили А.М. Астахова, З.В. Эвальд, аспирантка З.Н. Куприянова и рабочие завода «Красный октябрь» М. Лобанов и Г.С. Орелов¹⁹. Второй большой научной группой стала «бригада по колхозному фольклору», третьей — «бригада по фольклору Гражданской войны». В мае 1932 года заведующий секцией М.К. Азадовский рапортовал:

С февраля мес<яца> работа Ф<ольклорной> С<екции> перестроилась, главным образом на бригадный метод. Вначале были некоторые не<у>вязки на почве понимания методов и форм бригадной работы (см. протокол раб<очего> совещ<ания> от 20/II 1932 г.), но после разъяснений, данных зав<едующим> иссл<едовательским> сек<тором> т<оварищем> Абрамзоном, все недоразумения были устранены, и работа началась полным ходом. Правда, необходимо отметить, что не все бригады вполне заслуживают названия бригад, т<ак> к<ак> состоят всего из 2-х лиц, но основные бригады (рабочая и колхозная) широко развернули свою деятельность, сумев включить в свой состав не только работников ИПИНа (не из состава Ф<ольклорной> С<екции>), но и посторонних, преимущественно из среды рабочей молодежи обследуемых предприятий²⁰.

Постепенно «бригадная работа» распространилась уже на многие традиционные темы — в документах секции упоминаются «бригада по сборнику пинежских песен», «Работы Веселовского по сказке. Подготовка к изданию XVII тома полн<ого> собр<ания> соч<инений>» и др., а «бригадами» могли называться любые группы собирателей или ученых (ср., например, в отчете о работе Фольклорной секции за 1935 год: «Обзор литературы по рабочему фольклору — студенческая бригада в составе т.т. <А.> Соймонова, <Л.> Лотман, <В.> Чистова»²¹).

19 См.: Отчет о деятельности Фольклорной секции за период с апреля по 20/XI 1931 г. (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 120. Л. 14, 23) и Отчет о работе Фольклорной секции за период с 1/1 по 1/V 1932 г. (Там же. Л. 115—116). В апреле 1932 года в «бригаду» включились еще двое рабочих, выпускница этнолого-лингвистического отделения ЛГУ Крюкова, музыковед-фольклорист Л.М. Кершнер и «выдвиженка Педагогического института им. Герцена» П.Г. Ширяева (см.: Там же. Л. 116). Позже состав «бригады» неоднократно менялся.

20 СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 120. Л. 114. О внедрении «бригадного метода» в работу Фольклорной секции ИПИН по документам, сохранившимся в Отделе русского фольклора ИРЛИ РАН, см. также: [Петрова 2006: 248—250, 253—254].

21 Отчет о работе Фольклорной секции за 1-й квартал 1935 года: СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1935). Д. 5. Л. 42.

Коллективная подготовка сборника революционных песен, кроме прочего, наследовала всем предыдущим собраниям песен борьбы. Публикация этих песен всегда имела абсолютное идеологическое значение и предполагала цензуру собратьев по движению. Ярким примером может служить одно из наиболее ранних и самых известных нелегальных изданий «Первый сборник революционных песен. 10 песен, гармонизованных А.Д.Ч.» (1906). Как вспоминал его составитель Д.А. Черномордилов, большая часть песен сборника была записана им с голоса «профессионального революционера» Д. Тагеева и затем утверждена группой его товарищей [Черномордилов 1935].

Работа «бригады» была организована необычным для научного коллектива способом: у каждого сотрудника были свои функции и своя часть общего «поля». М.С. Друскин старался координировать работу всех участников, вел переписку с московским членом «бригады» — В.И. Чичеровым, давал подробные наставления участникам полевых выездов. Он же вел внешнюю переписку с участниками революционного движения, авторами, композиторами и др. Иными словами, полевая работа «бригады» состояла из двух частей: первая представляла собой переписку с информантами и обработку полученных писем (систематизация полученных текстов и нот, машинописное копирование для подготовки сборника и комментариев), вторая — непосредственную работу с революционерами при личной встрече или по телефону. Оба этапа были очень трудоемкими: первый предполагал большую рассылку и обмен письмами с информантами, второй — тщательную и многоэтапную подготовку, обсуждение кандидатур информантов и их репертуара, ключевую роль на этом этапе также играли письма.

Сперва под давлением Наркомпроса, который подчеркивал «необходимость подведения большего общественного базиса подо всю работу» [Письма и документы 2012: 704], собиратели делали основную ставку на широкий охват респондентов и привлечение больших собирательских сил: «надо расширить работу, охватив и национальные революционные песни, для чего установить связь с местными организациями», провести «специальные экспедиции по записи и собиранию песен, особенно на места, служившие в прошлом ссылкой», привлечь к собиранию (в оригинале — «к обработке») широкий композиторский актив и «всех работников музыкального фронта, интересующихся данной отраслью работы» [Там же]. Но уже в июне 1934 года Чичеров составил свой письменный проспект собирательской работы на заводах и в архивах, в котором предпочел опереться на уже установленные научные и инфраструктурные связи: московских и ленинградских фольклористов для работы на заводах Москвы и Ленинграда, Ю.А. Самарина для работы на Уральских заводах и в архивах Украины и Белоруссии, С.А. Токарева — в архивах Якутии, В.В. Сенкевич на Оби (см. его замечание: «о ней спросите у Н.М. Маторина»), учеников М.К. Азадовского и Ю.М. Соколова на Нижней Волге, в Саратове, через близкие Чичерову краеведческие организации и т.п. [Там же: 520—523].

Очевидно, что работа такого масштаба требовала ведения широкой переписки, которая рисковала стать неподъемной. Поэтому от этой идеи ученым пришлось постепенно отказаться, рассчитывая целиком на собственные силы и опыт. Одним из главных инструментов полевой работы неизбежно стала переписка.

Стоит напомнить, что фольклористика и ранняя этнография в России делалась не только в поле, но и в кабинетах. Основой для нее выступали иерар-

хически выстроенная инфраструктура собирательской работы и широко используемые сети так называемых корреспондентов. Именно с программы анкеты, разосланной в 1847 году в количестве 7 тысяч экземпляров и полученных на нее ответов началась этнографическая деятельность Императорского Русского географического общества. Тот же метод был использован «Этнографическим бюро» князя В.Н. Тенишева и многими другими обществами, институтами и музеями. В опоре на сети собирателей, работавших в разных губерниях (литераторов, музыкантов, местных любителей старины), подготовлены крупнейшие издания П.В. Киреевского, П.В. Шейна и пр. К середине 1930-х фольклористика перешла на полевой метод сбора материала. Однако для целей проекта по истории революционной песни, респонденты которого были разбросаны по разным уголкам страны, этого метода было явно недостаточно. Наследуя традиции составления этнографических программ и анкет, Друскин готовит подборку отрывков песен (в виде восьмистрочий)²² и к ним — письменную инструкцию²³ в надежде получить нотации мелодий в записи или в самозаписи информантов, тексты и мелодии не включенных в программу песен, сведения об их бытовании и, если повезет, — обстоятельств сложения. Так же, как и этнографы прошлого, через открытые письма и циркуляры «бригада» обращалась к участникам революционного движения, авторам песен и воспоминаний, а также к широкому кругу потенциальных корреспондентов — краеведам, музыкантам и другим заинтересованным лицам. В список рассылки попали журналы «Советское краеведение», «Советская музыка» и «Каторга и ссылка», Музей революции, Всесоюзные общества старых большевиков и бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, филиалы Всесоюзного общества друзей музеев революции и пр.²⁴

Собирательскую работу вели все участники «бригады» — каждый в своем поле: в архиве (Шилов), в библиотеке (Шилов и Чичеров), среди революционеров (Чичеров, Магид, Друскин, Ширяева) и рабочих (Ширяева²⁵ и Магид). Полевая работа шла настолько успешно, что в конце февраля 1935 года в руках составителей было уже более 300 разных песен, 215 образцов было записано на восковые цилиндры. Но 29 августа 1935 года в письме к Г.Д. Дееву-Хомяковскому Друскин пишет: «Работа по собиранию материалов к нашей книге весьма разрослась. Предполагаем ее закончить к 1 янв<аря> 1936 г.». Вместо запланированных полутора лет работа над собранием продлилась до

22 К сожалению, предварительный сборник не сохранился, но неоднократно упоминается в письмах-отчетах Чичерова и ответах респондентов. Например, 3 февраля 1935 года Чичеров пишет Друскину о репертуаре С.И. Канатчикова: «По списку [стих<отворений>, составлен<ному> М. Друскиным. — *Надпись рукой М.С.*] №№ 1, 6, 9, 13, 18, 19, 25, 26, 27, 28, 33, 34, 36, 39, 43, 48, 51, 52, 53, 54, 55, 58, 60, 61, 62, 66, 69, 70, 72, 75, 76, 80, 83, 85». Чуть позже, 22 февраля 1935 года, в письме к М.К. Азатовскому Чичеров упоминает «сборник» из 150 номеров: «Друскин прислал мне осенью сб<орник> около 150 №№. (Вы ведь его, наверное, видели — это сб<орник>, составленный, очевидно, Друскиным.)» [Письма и документы 2012: 578].

23 Как и все традиционные анкеты, инструкция напечатана на машинке и имеет штамп Института. См. бланк: Ил. 1: РО ИРЛИ. Р. V. К. 102. П. 1. Ед. хр. 194.

24 См. тексты открытых писем: СПБФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1934). Д. 25. Л. 43, 58; [Друскин 1934а; 1935]. Упоминание циркуляров содержится также в письме Чичерова Друскину от 3 января 1935 года, см.: [Письма и документы 2012: 546].

25 См. План работ П.Г. Ширяевой по обследованию фабрик и заводов Ленинграда и области: [Письма и документы 2012: 714].

середины 1937 года, когда наконец «объемистая рукопись» (40 авторских листов) была представлена в издательство, но так и не была издана²⁶.

Разнообразие практик проведения полевых исследований задавало разнообразие материальности знания, ее специфическую фактуру. В инвентаре собирателей революционной песни были не только письма, сюда входили и другие инструменты: фонограф и восковые цилиндры, беседы при личных встречах и телефонные звонки, из бумажных — печатные циркуляры, пакеты с написанными от руки или набранными на машинке фольклорными текстами, ноты, нелегальная и художественная литература, воспоминания. Однако письма стали основным средством конструирования всей сложной архитектуры получения знания.

Архив в письмах

Проследив траектории писем, мы увидим, что «бригада» использовала разные маршруты циркуляции материалов и способы их добывания: между полем и кабинетом, между ученым в поле и кабинетом, наконец, между учеными. Каждый из них задавал свои способы коммуникации, что в конечном счете обусловило жанровую и материальную многослойность писем «бригады»: это письма-знакомства, собственно рабочие письма, удостоверения, отношения для работы в архивах, письма-воспоминания, письма-свидетельства, письма-анкеты, письма-отчеты, письма из поля (письма — полевые дневники), письма-распоряжения, сопроводительные письма и мн. др. Особую роль в формировании архива сыграли вложения в письма, своеобразный «архив в конверте»: ноты и тексты песен²⁷, листки с комментариями²⁸.

Ориентированность на архив самым неожиданным образом обнаруживается в хронотопе переписки. При ближайшем рассмотрении можно увидеть, что корреспонденция «бригады» — как внутренняя, так и внешняя — неравномерно представлена во времени и пространстве. Прежде всего, бросается в глаза своеобразие географического распределения писем — их концентрация вокруг московской части работы, в том числе проводимой ленинградцами. Однако асимметрия пространственная получила зеркальное отображение в виде асимметрии коммуникативной и информационной. Из переписки мы во многих деталях знаем о работе в Москве, но почти ничего не узнаём о том, как она проходила в Ленинграде. Возможно, такими источниками могли бы стать письма Магид и Азадовского к Чичерову. В отличие от живых, наполненных эмоциями писем Чичерова, письма Друскина носят характер директива. Несмотря на заявленную коллективность («бригадный метод») работы, эпистолярные отношения Чичерова и Друскина неравнозначны и прочитываются как отношения между ученым в поле и кабинетным ученым, между исполнителем и заказчиком, между периферией и научным центром (в данном случае

26 Подробнее об истории собрания см.: [Подрезова 2012: 9–12, 17–28; 2021].

27 См. письма с вложениями нот, присланные М.М. Константиновым (РО ИРЛИ. Р. V. К. 102. П. 1. № 64–66); Г.П. Чекановкиным (Там же. № 54–58), А.Е. Туренковым (Там же. № 114–117) и др.

28 См. специальную подборку с комментариями к песенным сюжетам М.Ф. Фроленко: Там же. № 69–89.

Москва выступала периферией по отношению к научному центру, расположенному в Ленинграде), куда, как в архив, стекаются все данные.

Сохранившаяся переписка «бригады» — случай, пожалуй, уникальный. Помимо всего прочего, она отобразила на бумаге реальные маршруты собирателей. Например, благодаря письмам мы знаем о передвижении Друскина между Ленинградом и Москвой. Чичеров часто делится ближайшими планами, пересылает адреса информантов. В одном из отчетов, который может стать наглядным примером «неизменяемой мобильности» писем, он создает карту своего перемещения в течение дня:

8. Ю.М. Соколова никогда нет ни дома, ни на работе («Летучий Голландец»). Завтра буду в Лит<ературном>Музее. Он должен там быть завтра с 11 до 2. Если и завтра не застану его, придется решительно пристать к его жене — В.А. Дынин — с просьбой узнать о статье, хотя она категорически отказалась чем-либо помочь.

9. С Гавр<иилом> Григ<орьевичем> Сушкиным сговорился встретиться завтра в 10 час<ов>. Связь с ним держать буду.

10. От Сушкина завтра пройду в Муз<ей> Рев<олюции> и ВОДМР, передам там тексты, забегу в ВКР к Петрову и оттуда в Лит<ературный> Музей²⁹.

Письма «бригады» не только прорисовывают карты, прокладывают маршруты и обозначают замысловатые пути получения знаний — от упомянутого кем-то вскользь имени до архивного текста и осуществленной звукозаписи, но и структурируют время. Эпистолярный хронотоп проекта имеет свои зоны «напряжения», когда интенсивность коммуникации возрастает, и паузы, когда деловая и личная переписка стихают. Эти этапы не всегда соответствуют периодам личных встреч членов «бригады» и работы порознь. Наибольшей насыщенностью письменного общения отмечены: начало проекта (май — июль 1934 года), период подготовки и проведения полевых исследований (ноябрь 1934 — февраль 1935 года), начало работы над комментариями и вторая часть собирательской работы (апрель — июнь 1935 года). Затем переписка носит фрагментарный характер и актуализируется лишь в важные моменты — в период обсуждения собрания или его проблемных разделов. Наконец, в письмах обсуждаются календарные планы, составляются расписания собирательской работы и подводятся итоги.

Наиболее горячее время (практически ежедневный обмен письмами) приходится на период звукозаписи. Чичеров, который вел всю подготовительную работу с членами обществ к приезду Магид, присылает репертуарные списки, делится наблюдениями, от кого можно сделать звукозапись³⁰, присылает полученные в поле данные о происхождении и бытовании песен. Друскин в ответ

29 РО ИРЛИ. Р. V. К. 102. П. 1. № 156. Л. 72 — 73 об. Опубликовано в: [Письма и документы 2012: 529].

30 Ср., например, красочный рассказ о революционере Н.Л. Мещерякове, в ту пору главном редакторе «Малой советской энциклопедии»:

«Мещеряков для нотных записей не может быть использован. Дело было в его кабинете в МСЭ. Он мне доказывал, что он не может петь. Я не верил. И он запел. Боже мой!!! Понять ничего нельзя, — ни одного привычного звука.

Туруханский марш, помещенный в его книге, — запись Леонида Дмитриевича Покровского (я его постараюсь разыскать). Покровский, по словам Мещерякова, музыкант, поэт и не требует уговоров» [Письма и документы 2012: 571].

шлет Чичерову и Магид планы звукозаписи и конкретные указания по собирательской работе³¹.

Продолжая разговор об особом хронотопе переписки и отразившемся в нем хронотопе научной группы, нельзя не заметить, что «бригада» использовала все возможности писем как особого и общепринятого вида коммуникации — как «официальные каналы», так и личные связи. В зависимости от статуса адресата переписка велась от имени Института (письма-отношения, письма в организации), от имени заведующего Фольклорной секцией М.К. Азадовского или от лица руководителя «бригады» Друскина. Собиратели получали адреса деятелей революции, авторов песен и их потомков и снова писали письма. Всю основную переписку после установления «бумажных связей» вел Друскин, а в качестве обратного адреса обычно указывал домашний — он присутствует во всех без исключения письмах, отправленных ученым, включая циркуляры, опубликованные в журналах. Таким образом, бумажная вселенная «бригады» аккумулировалась и формировалась на его домашнем столе: здесь документы проходили первичную классификацию и маршрутизацию. Всю входящую и исходящую внешнюю корреспонденцию Друскин аккуратно фиксировал в специальную тетрадь³², отделял письма от текстов, при этом неавторизованные документы или документы с нечитаемой подписью обязательно подписывал красным карандашом — спасая от обезличивания для будущих исследователей, систематизировал тексты по авторам записи (в архиве сохранились подборки из текстов, присланных Чичеровым и записанных Ширяевой³³). В дальнейшем разнородная, уже структурированная корреспонденция либо укладывалась в общий архив, использовалась для подготовки комментариев, цитировалась в письмах, либо отправлялась коллегам для работы (см. об этом ниже) и т.п.

Настоятельно рекомендуя писать по домашнему адресу, М.С. Друскин стремился не столько придать переписке приватность, сколько сделать ее более эффективной и надежной: во-первых, молодой музыковед не был сотрудником Фольклорной секции, а работал по договору — то есть, возможно, не имел рабочего места в Институте; во-вторых, письма, адресованные в Институт, рисковали затеряться в общем потоке корреспонденции. Этот принцип вместе с тем имел и оборотную сторону — исключительная монополия на письма делала их средством проявления власти и неравенства внутри коллектива. Монополия, которая со временем распространилась и на другие материалы бригады, вызывала недоумение, беспокойство, недоверие Чичерова, о чем он неоднократно писал Друскину, и в конце концов привела его к разочарованию в коллективной работе. 28 августа 1935 года, после нескольких попыток получить от ленинградцев материалы³⁴, необходимые ему для подготовки комментариев к песням, он пишет:

31 См. письма Друскина Чичерову: [Письма и документы 2012: 550—551] и Магид: [Там же: 569—571].

32 Тетрадь в виде отдельных листков из школьной тетради в линейку хранится в материалах собрания: РО ИРЛИ. Р. V. К. 102. П. 1. № 363—364.

33 См. аннотированную опись коллекции: [Письма и документы 2012: 733—767].

34 Чичеров неоднократно просил своих коллег позвонить А.А. Шилову, обращался он к старшему коллеге и напрямую (см. письмо Чичерова к Магид, публикуемое ниже).

Уважаемый Михаил Семенович,

прошу извинения за письмо карандашом. Дело в том, что я на пароход чернил не взял, а здесь их не оказалось.

Евгений Владимирович³⁵, вероятно, Вам все передал. Очень благодарен Вам за присылку Ваших тетрадей. К сожалению, они действительно ничего к моим материалам не прибавили. Если бы я знал их содержание заранее, я бы, конечно, не беспокоил Вас просьбой присылки Ваших материалов.

Но, м<ожет> б<ыть>, у Вас есть другие материалы, которые Вы с Евг<ением> Влад<имировичем> не прислали? И которые для комментирования дадут больше, чем эти два Ваших блокнота. Насколько помнится, Вы говорили, что их у Вас 4, не считая того, что Вы просмотрели по моему списку литературы (и что Вы просили меня не просматривать). Могу ли я рассчитывать получить эти материалы от Вас для комментирования?

Думаю, ввиду того, что наша работа проводится бригадой, я позволяю себе надеяться на получение материалов (по виду работы порученной мне), до сих пор еще рассеянных у отдельных членов бригады. Конечно, если у Вас таких материалов не имеется, мне нельзя рассчитывать ни на что, кроме как на материалы, добытые мной.

Обращаюсь с этим вопросом к Вам в последний раз. Если Вы не вышлете материалов и сейчас, разрешите считать, что материалов у нашей бригады, за исключением собранных мной, не имеется.

Евг<ений> Влад<имирович> договорился со мной, что я высылаю в Фолькл<орную> Секцию образец комментариев. Не сетуйте, дорогой, что я их еще не выслал. Я ведь все жду от Вас дополнительных материалов. Мои заметки Евг<ений> Влад<имирович> видел и может засвидетельствовать, что в черновом виде мои материалы обработаны. Даже больше. На основании комментариев (предварительной проработки), с благословения М. К. Азадовского я сдал в печать статью о рев<олюционных> песнях. Она уже принята к печати. Как видите, имеющиеся у меня материалы по рев<олюционным> песням не преданы забвению.

Итак, немедленно по моем возвращении в Москву я высылаю вам образец комментария. К тому времени и Азадовский приедет, и Гиппиус из отпуска вернется — Вам удобнее будет рассмотреть комментарий.

Желаю Вам всего доброго,

В. Чичеров³⁶

В конце проекта он с горечью резюмирует:

Прочитав комментарии в этом их виде, я окончательно убедился, насколько я был прав, когда просил выслать мне выписки, сделанные членами бригады о песнях, котор<ые> я комментировал (т<о> е<сть> сделать то, что я сделал со своими выписками). Прав я был, также требуя от Вас, как от бригадира, образца комментариев. Имей я его, я бы много деталей не ввел в свои комментарии, тем самым упростив свою работу и сделав более легким редактирование.

Ну, былого не вернуть. Вперед мне наука — в бригады не включаться. Прошу Вас отосланные мной в Ленинград мои экземп<ляры> комментариев

35 Е.В. Гиппиус — этномузыковед, заведующий Фонограммархивом Фольклорной секции, редактор собрания русских революционных песен.

36 РО ИРЛИ. Р. V. К. 102. П. 1. № 146. Л. 47—48.

вернуть мне. Я использую собранные и исследованные мной тексты в своих работах.

5/II-<19>37 г.

ночь

В. Чичеров³⁷

В напряженные моменты Чичеров адресует письма не лично Друскину, а в Фольклорную секцию [Там же: 586—587], либо использует параллельные каналы — переписку с заведующим М.К. Азадовским и С.Д. Магид, которым открыто поверяет свои сомнения и эмоции, связанные с работой «бригады» (см., например: [Там же: 577—578]³⁸). Чичеров, отделенный от всех остальных членов коллективной работы пространством и лишенный тем самым прямого научного и человеческого контакта, которые, судя по тону писем к Магид и Азадовскому, мыслились неотъемлемой частью его научного общения (см. цитату из его письма, вынесенную в заглавие), постоянно старается преодолеть заданный Друскиным подчеркнуто деловой стиль переписки. Его письма-отчеты и письма организационного свойства наполнены аффективными деталями, которые создают объемный, живой подтекст коллективной работы. Ср., например:

Ленгник сейчас в Баку. Когда приедет оттуда, Лепешинский будет с ним говорить. Обещал еще подумать и посмотреть тексты. Удивительно милый старик!³⁹

2. Шаповалов все извинялся, что по болезни и загруженности он Вам не ответил. Слух у него немногим лучше, чем у Мещерякова (замечательны слова Мещерякова: очень люблю музыку, только ничего не понимаю. Как бы ни сошлись, я все принимаю за чистую монету, мне все кажется — так и надо!). Но кое-что Шаповалов обещал напеть.

<...>

5. Народовольцы. Теодорович — милый старик, но в нашем деле он ничего не понимает. Он меня уверял, что никто ничего не помнит и петь не сможет. Мало того, он убеждал в этом и народовольцев.

И вот начинается заседание. Я «проникновенно» взываю к аудитории. И донял старичков до того, что один взял мой телефон, другой — адрес, а третьи дали свои телефоны и адреса.

Будут петь: ...

А увлекательная эта работа! Теперь как-то вырисовывается она для меня. Еще недавно ее контуры были туманны. Думаю, Магид, когда приедет, детально расскажет о своей работе, о работе Ленинграда в целом. Это и ее записи в Москве — еще более уточнят вид сборников⁴⁰.

(Изумителен у Магид подход к людям — это в скобках.) Как кажется, мы с ней стали друзьями. Очень понравилась она и моей жене. Варюша сразу оценила ее хватку, а ее мнение в этом отношении очень ценно.

Когда работа будет подходить к концу, чувствую, мне надо было бы явиться к Вам, чтобы доложить обо всем. В письмах всего не напишешь, а надо было бы

37 РО ИРЛИ. Р. V. К. 102. П. 1. № 159. Л. 77 — 77 об. Опубликовано в: [Письма и документы 2012: 593].

38 Письмо хранится в: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 33. Л. 10—12.

39 Письмо М.С. Друскину, 3 января 1935 года. РО ИРЛИ. Р. V. К. 102. П. 1. № 135. Л. 29 — 31 об. Опубликовано в: [Письма и документы 2012: 548].

40 Письмо М.С. Друскину, 9—10 февраля 1935 года. РО ИРЛИ. Р. V. К. 102. П. 1. № 127—129. Л. 11—16. Опубликовано в: [Письма и документы 2012: 571—577].

слушать замечания о всех деталях моего участка работы непосредственно от Вас. Все-таки трудно, работая в бригаде, работать в другом городе — оторвано от нее. Ну, да это ничего. Приезд Магид мне раскрыл большинство «туманностей» работы бригады. Думаю сегодня узнать новости от Друскина, а когда придет Ширяева — и от нее. Так постепенно познакомлюсь со всеми⁴¹.

Из писем В.И. Чичерова мы узнаём также о сложностях и подводных камнях собирательской работы. Так, члены Общества старых большевиков, собрав материалы для «бригады» и вдохновившись ее примером, попытались перехватить инициативу — «решили издать свой сб<орни>к популяризаторского типа и считают неудобным использование их материала в нашем издании». «Если они откажутся сами организовать тов<ари>щей для записи, я сам их организую. В этом случае, — резюмирует Чичеров, — они только проиграют, потому что не получают даже копий записей мелодий» (29 января 1935 года [Там же: 552]).

Вообще говоря, вопрос о правах на знания, добытые в архивах и в поле, вероятно, волновал советских ученых не менее, чем современных, ср. сообщение Чичерова об еще одном привлеченном для работы коллеге — Илье Сергеевиче Гудкове: «В Лит<ературном> Музее весь архив пересмотрен Гудковым и подобраны мат<ерия>лы по рабочей песне (не революционной). С материалами он надует. Сможет дать их не раньше как через месяц» (22 декабря 1934 года [Там же: 537]).

Разговор о письмах как инструменте производства и поддержания власти притягивает в свою орбиту тему иерархии, сложившейся в «бригаде» как научном коллективе, «разделении труда» в производстве знания и неравноправии при использовании его результатов. Разделение труда, вполне логичное в масштабной научной и собирательской работе, приобрело в «бригаде» по революционной песне» гипертрофированный вид: полной осведомленностью и абсолютным правом на все собранные источники обладал только руководитель «бригады» (как хранитель «архива»), остальные по той или иной причине имели ограниченный доступ к материалам, собранным другими коллегами, ср. замечание В.И. Чичерова о подготовке комментариев:

Весьма сожалею, что мне пришлось работать как «кустарю-одиночке», пользуясь только своими материалами. Михаил Семенович неожиданно для меня отметил мне для комментирования несколько песен раннего периода («Сбейте оковы», «Во селеньи, во великом» и друг<ие>). Основной материал по ним находится у А.А. Шилова. Конечно, если бы я имел эти материалы, комментарий был бы значительно полнее [Там же: 589—590].

Кроме того, Ширяева и Магид были включены в состав «бригады» только для выполнения «черновой» работы — экспедиционного исследования и звукозаписи, расшифровки, нотации и собирательского комментария⁴². О статусе та-

41 Письмо М.К. Азадовскому, 22 февраля 1935 года. СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 33. Л. 10—12. Опубликовано в: [Письма и документы 2012: 558].

42 См. условия договора С.Д. Магид: «а) собирает напевы песен по заранее намеченным «точкам» записи, — дает их нотную расшифровку в готовом для печати виде и собирательский комментарий... б) совершает экспедицию для записи песен в Москву, сроком на 2 недели, каковая работа оплачивается особо из сумм экспедиционных расходов» [Письма и документы 2012: 712—713].

кого труда красноречиво говорит ремарка Чичерова о В.В. Сенкевич: «На мой взгляд, ее стоит использовать для работы. Дельная девушка» [Там же: 520]. О ней же затем вспоминает и Друскин в письме к Магид: «В случае, если валиков не хватит, необходимо записать на слух. Привлеките к этому делу Сенкевич (В. Чичеров ее Вам разыщет)» [Там же: 570]. Редактирование материалов и всего собрания, напротив, — приняли на себя заведующий Фонограммархивом Е.В. Гиппиус и заведующий Фольклорной секцией М.К. Азадовский.

Таким образом, сохранившиеся письма одновременно и отражают, и конструируют, и утверждают эту иерархию.

К вопросу о биографии писем

Письмо как никакое иное средство коммуникации имеет качество тотальной «мобильности» и обладает большим потенциалом пронизывать и связывать пространства, быстро и напрямую соединять прежде незнакомых людей, завязывать между ними «узлы» и вовлекать их в работу. Вместе с тем, дойдя до адресата, оно мгновенно превращается в «немобильное», благодаря своей способности закреплять посланное сообщение во времени; как материальный письменный объект, письмо является документом в самом прямом смысле (от лат. *documentum*), то есть образцом, свидетельством, доказательством.

Еще прихотливее это свойство проявляет себя в биографии вложений в письма с текстами и нотами песен: устное фольклорное произведение («мобильное») при записи трансформируется в письменный текст и нотацию («немобильное»), будучи вложенным в письмо и отправленным по почте, вновь приобретает свойства мобильного. По прибытии в Институт письма классифицируются и становятся частью архива, то есть приобретают статику. Но даже получив штамп с архивным номером, текст может сохранить приметы мобильности своей биографии — указание на того, от кого сделана запись, связь с почтовым отправлением (конвертом), наконец, он может продолжить циркулировать внутри архива — перемещаться в другие папки и помещения.

Подобная судьба ожидала и некоторые архивные документы «бригады». В начале 1950-х и в середине 1960-х сотрудники Фонограммархива Института русской литературы дважды возвращались к идее подготовки собрания революционных песен. Тексты и оригиналы нотаций, а вместе с ними и некоторые письма попали на полки рукописного фонда Фонограммархива. В этой сложной траектории некоторые из бумажных документов оказались обезличенными — утратили авторство и связь со своей биографией. В этой части статьи будет рассмотрен один из таких случаев.

В одной из коллекций рукописного фонда (Фонограммархив. П. 165) в папке, подписанной рукой П.Г. Ширяевой «То, что дал Друскин и Чичеров. Материалы» и завизированной ею 20 марта 1951 года, среди множества текстов, напечатанных на разных печатных машинках на листах разного формата, сохранилось несколько рукописных листков нестандартно большого размера. На этих листах синими чернилами написаны 13 текстов революционных песен (в первом из них есть указание на М.М. Константинова), на одном из них расположен анонимный текст письма с обращением «Милая Сонечка» и датой 20 мая 1935 года. То есть перед нами документ полижанровой природы. Приведу письмо целиком:

Милая Сонечка, посылаю тебе 13 текстов. Ты не совсем ясно написала, что тебе надо, м.б. я посылаю тебе не все тебе нужное. Это не беда. Напиши тогда. «Май», «Говорят, что социалисты» и тексты Беленькой⁴³ вышло позднее.

Письмо тоже меня и порадовало и озадачило. Почему М.К.⁴⁴ не показал тебе плана⁴⁵ предварительно? Я не предполагал, что он будет думать, что я вышло тебе и Др<ускину> копии (это моя вина). Почему он не охарактеризовал его мне, как обещал, — тоже не знаю. Наверное, гонят очень.

Интересно, как разработает план Др<ускин>. Беспокоят меня комментарии. Их надо писать сейчас, а учета того, что войдет в сб<орни>к, нет. Буду рад поработать с тобой, когда приедешь⁴⁶. Записать придется еще кое-что.

Жму твою лапу и все-таки жду письма.

Очень прошу тебя, позвони Шилову, передай ему просьбу прислать мне образец его комментария, с тем чтобы я мог по нему равняться. Ведь тип комментариев может быть разный. Я об этом ему буду писать особо, а ты все-таки позвони, это вернее будет. Заодно спроси, получил ли он мою открытку и что он думает насчет автора «Вы жертвою пали»?

У В.Н. Фигнер вот уже месяц тяжело больна двоюродная сестра, поэтому я ее не видел.

Как будет с посланными мной адресами? Используйте ли их. Привет П. Ширяевой.

20/V-<19>35⁴⁷

Листы были перепутаны и долгое время, очевидно, хранились небрежно, с нарушением правил архивного хранения и отдельно от других листов подборки: они были сложены пополам, закреплены скрепкой (что видно по характерным следам ржавчины), края приобрели множество заломов и обрывов. Письмо не подписано, не сохранилось и конверта, на котором был бы указан адресат. Но, хорошо зная историю «бригады» и почерки ее членов, я могу атрибутировать документ довольно точно: это письмо В.И. Чичерова, адресованное сотруднице «бригады» — С.Д. Магид. Без этих знаний бумаги так и останутся не вполне внятным смешением рукописных и печатных текстов, последние из которых и вовсе могут ввести в заблуждение, поскольку Чичеров использовал для письма черновики из подготовленного им сборника тюремных песен.

Завершающая подборку ремарка-вопрос «То ли тебе надо?» и содержание письма не оставляют сомнений в том, что тексты были высланы по личной просьбе Магид. Они соотносятся с образцами революционных песен, записан-

43 Имеются в виду тексты, записанные в Москве от члена Общества старых большевиков А.М. Беленькой. От нее было записано на фонограф девять песен (Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ФА ИРЛИ). ФВ 5075.04—5081.02).

44 Имеется в виду М.К. Азадковский.

45 Имеется в виду «План издания сборника революционных песен» и «Распределение песен по плану Чичерова», подготовленные Чичеровым в апреле 1935 года и отосланные им в Фольклорную секцию для обсуждения, хранятся в: РО ИРЛИ. Р. V. К. 102. П. 1. № 150. См. также упоминание плана в письме Друскина Чичерову от 19 мая 1935 года и еще, вероятно, не полученного адресатом: [Письма и документы 2012: 579].

46 Речь идет о собирательской работе с членами теперь уже бывших обществ. Запись на фонограф состоялась в конце июня 1935 года.

47 ФА ИРЛИ. РФ. П. 165. Л. 300.

ными на фонограф в 1935 году и, возможно, потребовались ей для расшифровки плохо прослушиваемых фонограмм либо для дальнейшей собирательской работы.

Но как это личное письмо (очевидно, Чичеров не предполагал, что его прочтут коллеги) оказалось на полке Фонограммархива? Прояснить его биографию помогут документы, соседствующие с письмом. Таким ключом стали пометы на полях других текстов в папке — многие из них сделаны рукой Магид и касаются напевов, на которые пелись тексты, например:

возле текста «Ах ты сукин сын проклятый становой»:

«Клеменц. Узнать бытовал ли. Пелся в среде рабочих» (л. 16),

на тексте «Дума кузнеца»:

«Клеменц. пелось на мотив Хаз Булат (поверить). Имеет ряд промежуточных вариантов» (л. 20);

Текст «Дума ткача» сопровождается ремарка:

«Синегуб. Мотив неизв<естен> Найти» (л. 21).

В папку также вложены листки с фрагментами черновых карандашных описей фонозаписей, сделанных Магид в Ленинграде от бывших политкаторжан В.И. Скляревича (между листами 13 и 14) и А.А. Виташевской (лист 76). Все это указывает на то, что перед нами тексты, которые служили подспорьем и использовались Магид и Ширяевой в собирательской работе в Ленинграде и Москве. Тексты имеют разное происхождение: часть из них, вероятно, были собраны в поле участниками «бригады», расшифрованы и напечатаны на машинке, часть — присланы в рабочий архив корреспондентами (второй или третий экземпляры), но все они без исключения обрели новую жизнь — получили материальное перевоплощение в роли шпаргалок и образцовых текстов-трафаретов, по которым можно сверять варианты и разыскивать напевы. В этой же роли, несомненно, выступало и письмо Чичерова.

Стоит заметить, что почти половина текстов, размещенных в архивной папке, не имеет указаний на их происхождение и тем самым не может служить источником, по крайней мере, до тех пор, пока не будут атрибутированы исследователями — то есть не восстановят детали своей биографии.

Приведенный пример как нельзя лучше иллюстрирует наблюдение об амбивалентности писем и переписки в проекте. Он еще раз показывает, что не только та часть переписки, которая изначально должна была сформировать полевой архив, но также письма и фольклорные тексты для него не предназначенные со временем институтировались, а оказавшись в архиве — стали документами, источниками стабильной информации.

* * *

Сложную природу писем как источника знаний о фольклорных песнях осознавали и сами участники. В предисловии к собранию и в своих воспоминаниях М.С. Друскин называет среди источников только устные (полевые) и печатные «свидетельские документации» и абсолютно не упоминает данные, почерпну-

тые из писем, впрочем, как не упоминает он и саму переписку. Мы практически не найдем ссылок на письма ни на страницах подготовленной антологии, ни в более поздних работах Друскина о русской революционной песне. Несколько историй о происхождении песен, рассказанных информантами в письмах, не получив документальных подтверждений, так и остались лишь версиями. Один из таких сюжетов развернулся вокруг авторства похоронного марша «Замучен тяжелой неволей», вошедшего в советский песенный канон благодаря легенде об особой любви к нему Ленина. Письмо Тараса Григорьевича Мачтета — сына предполагаемого автора стихотворения Г.А. Мачтета, опровергнув ошибочную атрибуцию Петру Лаврову, не принесло долгожданного ответа на главный вопрос — как была создана эта песня и кто на самом деле был автором опубликованного в 1876 году стихотворения «Последнее прости!». В своей книге, а затем и в популярной ее версии Друскин осторожно сослался на письмо Т.Г. Мачтета: «Предположительно автором этого стихотворения называли самого Лаврова или писателя Г.А. Мачтета (1852–1901), близкого к революционно-демократическим кругам Петербурга. Последнее представляется более вероятным, так как подтверждается и редакционным примечанием газеты, и свидетельством сына писателя (в письме к автору данной брошюры в 1936 г.)» [Друскин 2012в: 407]⁴⁸. Однако это исключительный случай. Сведения, почерпнутые из писем информантов, как и другие не подтвержденные полем или документами знания, обычно не выходили за рамки архива. Впрочем, этот сюжет затрагивает другую тему — специфику и судьбу городской, постфольклорной песни (большая часть революционных песен рождалась по законам этого жанра), сложная природа которой и ускользающее авторство были осознаны фольклористами довольно рано, что во многом и определило дизайн этого проекта.

Библиография / References

- [Астахова 1934] — *Астахова А.М.* Фольклор гражданской войны // Советский фольклор. 1934. № 1. С. 9–40.
- (*Astakhova A.M.* Fol'klor grazhdanskoy voyny // Sovetskiy fol'klor. 1934. No. 1. P. 9–40.)
- [Бекман, Заржевская 1933] — *Бекман В., Заржевская М.* Опыт учета музыкального оформления октябрьской демонстрации // Музыкальная самодеятельность. 1933. № 1. С. 5–8.
- (*Bekman V., Zarzhevskaya M.* Opyt ucheta muzykal'nogo oforneniya oktyabr'skoy demonstratsii // Muzykal'naya samodeyatel'nost'. 1933. No. 1. P. 5–8.)
- [Бугославский 1928] — *Бугославский С.А.* Песни ссылки и подполья // Клубная сцена. 1928. № 1 (7). С. 90.
- (*Bugoslavskiy S.A.* Pesni ssylki i podpol'ya // Klubnaya stsena. 1928. No. 1 (7). P. 90.)
- [Друскин 1934а] — *Друскин М.С.* Открытое письмо в редакцию журнала «Советская музыка» // Советская музыка. 1934. № 10. С. 94.
- (*Druskin M.S.* Otkrytoe pis'mo v redaktsiyu zhurnala "Sovetskaya muzyka" // Sovetskaya muzyka. 1934. No. 10. P. 94.)
- [Друскин 1934б] — *Друскин М.С.* Революционная песня народовольцев // Советская музыка. 1934. № 3. С. 48–62.

48 Брошюра была опубликована в 1959 году: Русская революционная песня. Л.: Музгиз, 1959. Ср.: [Друскин 2012г: 281, примеч. 29].

- (*Druskin M.S. Revolyutsionnaya pesnya narodovol'tsev // Sovetskaya muzyka. 1934. No. 3. P. 48—62.*)
- [Друскин 1935] — *Друскин М.С. Циркулярное письмо // Советское краеведение. 1935. № 1. С. 80.*
- (*Druskin M.S. Tsirkulyarnoe pis'mo // Sovetskoe kraevedenie. 1935. No. 1. P. 80.*)
- [Друскин 1977] — *Друскин М.С. Призвание и профессия // Друскин М.С. Исследования. Воспоминания. Л.; М.: Советский композитор, 1977. С. 256—260.*
- (*Druskin M.S. Prizvanie i professiya // Druskin M.S. Issledovaniya. Vospominaniya. Leningrad, Moscow, 1977. P. 256—260.*)
- [Друскин 1999] — *Друскин М.С. Каким его знаю // Друскин Я. Дневники / Сост., подгот. текста, примеч. Л.С. Друскиной. СПб.: Академический проект, 1999. С. 7—41.*
- (*Druskin M.S. Kakim ego znayu // Druskin Ya. Dnevnik / Comp., prep., notes by L.S. Druskina. Saint Petersburg, 1999. P. 7—41.*)
- [Друскин 2012а] — *Друскин М.С. Исторические пути развития революционной песни. От редактора // Друскин М.С. Собрание сочинений: В 7 т. / Ред.-сост. Л.Г. Ковнацкая. Т. 5: Русская революционная песня / Сост., вступ. статья, материалы, публ. писем и документов, коммент. С.В. Подрезовой. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012. С. 482—487.*
- (*Druskin M.S. Istoricheskie puti razvitiya revolyutsionnoy pesni. Ot redaktora // Druskin M.S. Sbranie sochineniy. In 7 vols / Ed. and comp. by L.G. Kovnatskaya. Vol. 5: Russkaya revolyutsionnaya pesnya / Comp., introd., materials, publ. of letters and documents, comment. by S.V. Podrezova. Saint Petersburg, 2012. P. 482—487.*)
- [Друскин 2012б] — *Друскин М.С. Нотные и книжные источники // Друскин М.С. Собрание сочинений: В 7 т. / Ред.-сост. Л.Г. Ковнацкая. Т. 5: Русская революционная песня / Сост., вступ. статья, материалы, публ. писем и документов, коммент. С.В. Подрезовой. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012. С. 295—303.*
- (*Druskin M.S. Notnye i knizhnye istochniki // Druskin M.S. Sbranie sochineniy. in 7 vols / Ed. and comp. by L.G. Kovnatskaya. Vol. 5: Russkaya revolyutsionnaya pesnya / Comp., introd., materials, publ. of letters and documents, comment. by S.V. Podrezova. Saint Petersburg, 2012. P. 295—303.*)
- [Друскин 2012в] — *Друскин М.С. История песен // Друскин М.С. Собрание сочинений: В 7 т. / Ред.-сост. Л.Г. Ковнацкая. Т. 5: Русская революционная песня / Сост., вступ. статья, материалы, публ. писем и документов, коммент. С.В. Подрезовой. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012. С. 382—455.*
- (*Druskin M.S. Istoriya pesen // Druskin M.S. Sbranie sochineniy. In 7 vols / Ed. and comp. by L.G. Kovnatskaya. Vol. 5: Russkaya revolyutsionnaya pesnya / Comp., introd., materials, publ. of letters and documents, comment. by S.V. Podrezova. Saint Petersburg, 2012. P. 382—455.*)
- [Друскин 2012г] — *Друскин М.С. Русская революционная песня. Исследование // Друскин М.С. Собрание сочинений: В 7 т. / Ред.-сост. Л.Г. Ковнацкая. Т. 5: Русская революционная песня / Сост., вступ. статья, материалы, публ. писем и документов, коммент. С.В. Подрезовой. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012. С. 49—294.*
- (*Druskin M.S. Russkaya revolyutsionnaya pesnya. Issledovaniye // Druskin M.S. Sbranie sochineniy. In 7 vols / Ed. and comp. by L.G. Kovnatskaya. Vol. 5: Russkaya revolyutsionnaya pesnya / Comp., introd., materials, publ. of letters and documents, comment. by S.V. Podrezova. Saint Petersburg, 2012. P. 49—294.*)
- [Неклюдов 2005] — *Неклюдов С.Ю. «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник. Историко-филологический сборник к 60-летию Р.Д. Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 271—303.*
- (*Neklyudov S.Yu. "Vse kirpichiki, da kirpichiki..." // Shipovnik. Istoriko-filologicheskiy sbornik k 60-letiyu R.D. Timenchika. Moscow, 2005. P. 271—303.*)
- [Петрова 2006] — *Петрова Л.И. Из истории собирательской и издательской работы ленинградских фольклористов (по материалам протоколов, отчетов, писем 30-х годов XX в.) // Из истории русской фольклористики. Вып. 6. СПб.: Наука, 2006. С. 248—262.*
- (*Petrova L.I. Iz istorii sobiratel'skoy i izdatel'skoy raboty leningradskikh fol'kloristov (po materialam protokolov, otchetov, pisem 30-kh godov XX v.) // Iz istorii russkoy fol'kloristiki. Iss. 6. Saint Petersburg, 2006. P. 248—262.*)
- [Письма и документы 2012] — *Письма и документы // Друскин М.С. Собрание сочинений: В 7 т. / Ред.-сост. Л.Г. Ковнацкая. Т. 5: Русская революционная песня / Сост., вступ. статья, материалы, публ. писем и документов, коммент. С.В. Подрезовой. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012. С. 517—769.*
- (*Pis'ma i dokumenty // Druskin M.S. Sbranie sochineniy. In 7 vols / Ed. and comp. by L.G. Kov-*

- natskaya. Vol. 5: Russkaya revolyutsionnaya pesnya / Comp., introd., materials, publ. of letters and documents, comment. by S.V. Podrezova. Saint Petersburg, 2012. P. 517—769.)
- [Подрезова 2012] — *Подрезова С.В.* М.С. Друскин — собиратель и исследователь русской революционной и рабочей песни // Друскин М.С. Собрание сочинений: В 7 т. / Ред.-сост. Л.Г. Ковнацкая. Т. 5: Русская революционная песня / Сост., вступ. статья, материалы, публ. писем и документов, коммент. С.В. Подрезовой. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012. С. 6—42.
- (*Podrezova S.V.* M.S. Druskin — sobiratel' i issledovatel' russkoy revolyutsionnoy i rabochey pesni // Druskin M.S. Sbranie sochineniy: In 7 vols / Ed. and comp. by L.G. Kovnatskaya. Vol. 5: Russkaya revolyutsionnaya pesnya / Comp., introd., materials, publ. of letters and documents, comment. by S.V. Podrezova. Saint Petersburg, 2012. P. 6—42.)
- [Подрезова 2021] — *Подрезова С.В.* К истории неизданного собрания «Русские революционные песни» // Русский фольклор. Т. XXXVIII: Материалы и исследования. Памяти Виктора Евгеньевича Гусева. СПб.: Наука, 2021. С. 219—232.
- (*Podrezova S.V.* K istorii neizdannogo sobraniya "Russkie revolyutsionnye pesni" // Russkiy fol'klor. Vol. XXXVIII: Materialy i issledovaniya. Pamyati Viktora Evgen'evicha Guseva. Saint Petersburg, 2021. P. 219—232.)
- [Соколов 1935] — *Соколов Ю.М.* О собирании фольклора // Советское краеведение. 1935. № 2 (февраль). С. 12—17.
- (*Sokolov Yu.M.* O sobiranii fol'klora // Sovetskoe kraevedenie. 1935. No. 2 (February). P. 12—17.)
- [Черномордикив 1935] — *Черномордикив Д.А.* Революционные песни в 1905 г. // Советская музыка. 1935. № 12. С. 3—10.
- (*Chernomordikov D.A.* Revolyutsionnye pesni v 1905 g. // Sovetskaya muzyka. 1935. No. 12. P. 3—10.)
- [Шехтер 1968] — *Шехтер Б.С.* Годы творческого общения // Давиденко А. Воспоминания, статьи, материалы / Сост. А.Н. Мартынов. Л.: Музыка, 1968. С. 42—48.
- (*Shekhter B.S.* Gody tvorcheskogo obshcheniya // Davidenko A. Vospominaniya, stat'i, materialy / Comp. by A.N. Martynov. Leningrad, 1968. P. 42—48.)